

ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора философских наук Савченковой Н.М. о диссертации СТЕЦЮКА КОНСТАНТИНА СТАНИСЛАВОВИЧА «ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА», представленной на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.8 – **Философская антропология, философия культуры.**

На протяжении всего XX века отношения философии и психоанализа были предельно напряженными и, несмотря на все притяжения, идиосинкратичными. Причина тому – вопрос о первенстве. Психоанализ претендует на глубинное понимание духовного опыта, интеллектуальных и аффективных состояний, духовных продуктов; для философии понимание Другого и самопонимание также является важнейшей целью. Культурное пространство XX века стало территорией соперничества двух «концептуальных персонажей» - философа и психоаналитика, и эта агональная ситуация превратила диалог в туго завязанный узел. Задача, которую ставит перед собой автор диссертационного исследования – этот узел расплести, реконструировать условия возникшего сближения, обоюдные импликации и, благодаря этому, вернуть психоанализу статус философского проекта, отвоевать для него в современном эпистемологическом поле легитимное место; примирить философию и психоанализ. С точки зрения диссертанта, вопрос о введении в гуманитарное дискурсивное пространство такой дисциплины, как философский психоанализ, давно назрел, и в этом с ним нельзя не согласиться.

Сложность, однако, состоит в том, что Зигмунд Фрейд традиционно квалифицируется как позитивист с естественно-научным стилем мышления, а, во-вторых, он и сам демонстративно отмежевывается от философии, подчеркивая, что психоанализ исключительно клиническое мероприятие, средство излечения неврозов. Актуальность данной работы состоит не только в том, что автор исследования реконструирует действительные интенции психоаналитического проекта, но и в том, что он пытается модифицировать сам корпус философии культуры, полагая, что психоанализ несет в себе абсолютно необходимую для современного гуманитарного знания стратегию терапевтической трансформации культурной среды. Стецюк К.С. стремится доказать, что психоанализ возник как неявный проект философии культуры, прошел путь клинических испытаний, теоретического философского расширения и вновь, уже сознательно,

вернулся к форме культурфилософии, что нашло развитие в постфрейдской мысли – у В. Райха, Э.Фромма, Г. Маркузе и М. Фуко. Неомарксистская перспектива позволяет автору диссертации видеть в современном соотношении психоанализа и философии все условия для гармонического союза.

Необходимо отметить, что в центре внимания исследователя на протяжении всей работы остается классический психоанализ. В Первой главе «На пути к философии культуры: становление, отличительные особенности и эволюция «философского психоанализа» Стецюк К.С. подверг детальному изучению мысль Фрейда – в ситуации ее становления, развития и зрелости. Подробнейшим образом автор диссертации восстанавливает условия возникновения психоанализа, подчеркивая постоянный интерес Фрейда к философии культуры и его вовлеченность в философские коллизии и споры рубежа 19-20 веков. Основная интрига этого времени, которое Э. Гуссерль определил как эпоху кризиса европейских наук, была связана именно с психологией, ее местом в системе наук и ее методологическим качеством. Несмотря на институциональную молодость, психология в этот период претендует на то, чтобы заменить философию в ее статусе методологического основания. Психоанализ рождается в эпоху яростных споров психологов и антипсихологов и, конечно, не может избежать тех или иных концептуальных решений, даже несмотря на видимое неучастие в этой теоретической полемике. Стецюк К.С. показывает, что, в силу литературных и философских увлечений Фрейда (античная мифология и трагедия, Гете), философия культуры является той исходной матрицей, в которой Фрейд мыслит о человеке, и что психоанализ является скорее культурным, нежели медицинским изобретением. Также автор убедительно доказывает, что философское образование Фрейда (Л. Фейербах, Ф. Brentano, Т. Липпс, Г. Гомперц, Э. Мах) позволяет ему найти выход из оппозиции психологизма-антипсихологизма благодаря новой концепции опыта (Ф. Brentano), опирающейся на идею интенциональности сознания, а также благодаря концепции «практического философствования», требующего от теории тесной связи с жизнью и рассмотрения жизни как основного источника и постоянной почвы концептуализации. В этой же главе Стецюк К.С. описывает, каким образом Фрейд совершил радикальный поворот от естественнонаучных и нейропсихологических исследований к пониманию психики, основанному на символической интерпретации мифов, что привело его к идее создания «новой психологии» как теории бессознательного», выраженной в форме системно организованного знания» (с. 58). Следующим шагом на пути к превращению

психоанализа в философию, по мнению автора исследования, явилось создание метапсихологии, которая стала «трансконцептуальным синтезом» (с.56), обобщившим важные для Фрейда идеи и, вместе с тем, ставшей полной противоположностью традиционной метафизики; знанием, погруженным в опыт; «конкретной философией, говорящей языком желаний, симптомов, сновидений, аффектов и иллюзий» (с.65). Представляя фрейдовскую концепцию бессознательного как «субстанциального, первичного, само себя в себе порождающего» и придавая ему «статус абсолютной трансцендентности» (с. 58), автор предлагает идею «символического медиатора» как необходимого опосредования между бессознательным и его плодами. С его точки зрения, первоначально в качестве такого медиатора для Фрейда выступала сексуальность, но вскоре «в этом качестве им начала рассматриваться культура» (с. 65). Метапсихология, по мнению автора, послужила необходимым трамплином для того, чтобы при поддержке таких авторов как Т. Липпс и И. Тэн переориентировать психоанализ как исключительно клинический проект, адресованный индивидам, на культурное пространство и жизнь человеческих сообществ.

Во второй главе «Психоаналитический подход в философии культуры: особенности становления, базовые принципы и прикладные проекты» автор соотносит принципы философии культуры в разработке российских авторов и психоаналитический проект, убеждаясь в том, что никакого методологического противоречия здесь нет, и все они полностью применимы в психоаналитическом поле. Обращаясь к крайне актуальной для последних десятилетий теме травмы, автор показывает, что психоанализ здесь обнаруживает высокую эффективность, позволяя разомкнуть «границы умозрительной критической рефлексии» и осуществить реальную проработку травматических событий и терапию социума. Безусловно ценным представляется обращение автора к российской психоаналитической традиции, реконструкция современного опыта и демонстрация синхронии уникальных российских инициатив (исследовательский проект «Russian Imago» В.А. Медведева, психобиографии А.И. Белкина, исследования травмы и российской ментальности, выполненные группой психоаналитиков Восточно-европейского института психоанализа под руководством М.М. Решетникова) с общемировыми трендами.

Первое, что хочется отметить в представленном диссертационном исследовании – это стиль. Работа написана ясным и живым языком. На всем протяжении довольно обширного текста читатель имеет возможность быть собеседником автора, следить за ходом его мысли, участвовать в его проблематизациях. Текст хорошо структурирован,

логически выстроен. Будучи эмоциональным повествованием, сохраняет академическую строгость и, на мой взгляд, является образцом научного исследования. Вторая особенность представленной работы – глубокая проработка изучаемых сюжетов. Стецюк К.С. следил за ходом мысли Фрейда не только по опубликованным текстам, он пытался реконструировать намерения и сомнения, контекст, в котором эта мысль формировалась и работала, погружаясь в личную переписку Фрейда и Флисса, Фрейда и Юнга, Фрейда и Ференци. Пытаясь выявить в корпусе классического психоанализа неявные черты философии культуры, автор пристрастно внимателен к деталям, верный психоаналитической идее значимости бессознательного измерения. Он работает с тем, чего еще нет, но что обретет свою реальность в ретроверсии. Эта внимательность имеет результатом очень ценные наблюдения и открытия, которые кажутся локальными и вроде бы не играют большой роли в тексте исследования, но, на самом деле, очень важны и перспективны. Так, например, Стецюк К.С. возводит концепцию объектной загрузки (в других версиях перевода: либидинального инвестирования) к идее интенциональности Ф. Brentano (с.35). Эта идея принципиально нова и обладает большой научной ценностью, она могла бы превратиться в самостоятельный исследовательский сюжет.

Третья особенность текста состоит в том, что его автор активно, ярко и убедительно концептуализирует, что одновременно оказывается и преимуществом, и недостатком. Преимущество состоит в неординарной новой точке зрения на классический психоанализ, описанием фрейдовского замысла и его реализации с необходимой полнотой и страстностью. Недостаток, на мой взгляд, в недостаточной нейтральности исследователя и сужения его поля зрения под влиянием уже имеющейся концепции. И здесь хочется высказать некоторые полемические соображения. Первое касается влечений и роли сексуальности. Тезис, который отстаивает Стецюк К.С., состоит в том, что Фрейд от психоанализа как терапии невротиков перешел к метапсихологии, а затем к психоанализу и философии культуры. Автор утверждает, что сексуальность, которая для Фрейда служила опосредованием между бессознательным и реальностью, представлялась ему недостаточной, и на этапе метапсихологии он заменил сексуальность на культуру. Мне трудно согласиться с этим. Сексуальность для Фрейда является тем неизменным истоком, где телесность и фантазия порождают процесс символизации, являющийся условием и гарантом психического здоровья. Проблему Фрейд видит в другом: в том, что эротизм как способность инвестировать либидо в объекты оказывается не универсальным. Фрейд

сталкивается с феноменом нарциссизма, психотическим опытом, где либидо используется иначе, и где специфическое место Другого подрывает символическую способность субъекта. Диссертант совершенно верно отмечает, что, в отличие от эротических влечений, влечения смерти не сублимируются, но он ограничивается констатацией дуальности влечений, утверждением оппозиции созидания и агрессии, в рамках которой существует культура. Тогда как, мне представляется, более глубокого понимания культуры Фрейд планирует достичь именно через детальное клиническое исследование работы влечений. Фрейд не сбегает от метапсихологии, вспорхнув как бабочка в образе культурфилософа (с.114), он остается на территории телесности, влечений, сексуальности. Казалось бы, дело здесь лишь в акцентах, но дальнейшее повествование убеждает нас в том, что клиническая составляющая психоанализа для диссертанта отступает на второй план, а имена, к которым апеллирует автор, говоря о постфрейдовском психоанализе (Фромм, Маркузе, Фуко, Айерман), лишь укрепляют эту точку зрения. Психоанализ превращается в философский, социологический и идеологический проект. Это, безусловно, более короткий путь обоснования союза философии и психоанализа. Но тогда не очень понятно, как быть с собственно психоаналитической традицией – Мелани Кляйн, Франсуазой Дольто, Дональдом Винникоттом, Дональдом Мельтцером, Уилфредом Бионом (можно назвать еще как минимум десяток чрезвычайно значимых имен). И дело не в том, что невозможно описать все. Есть большая разница – размышлять о «сексуальной революции» и «коммунитарном социализме» или о том, как младенец берет материнскую грудь, а психотик уничтожает психическую реальность. В текст не вошли именно те авторы, путь которых к философии культуры лежал через клинический опыт, через работу с детьми, психотическими пациентами. Этот путь не был прямым, он был окольным, но при этом каждый из этих авторов имел и пытался выразить свою концепцию культуры, которая осталась открытой, и где, в каждом случае рождался собственный язык и специфические концепты, несводимые к однозначным формулировкам и простым схемам. Даже Жак Лакан – клиницист, чья концептуализация культуры настолько ярка и агрессивна, что ее трудно игнорировать, лишь мельком упоминается в работе. И это понятно, ведь вряд ли мысль Лакана можно уложить в «пятикомпонентный алгоритм программы массовой социокультурной психокоррекции» (с. 13).

Еще одно полемическое соображение. Основная конъюнкция, которую производит автор, создавая свою модель психоаналитической культурфилософии – это

сопоставление принципов философии культуры и психоаналитического проекта. Описывая эту центральную для текста конъюнкцию, автор демонстрирует завидное риторическое искусство, он осторожен и избегает грубых формулировок, говорит о «психоаналитическом наполнении принципов философии культуры», но, на мой взгляд, *сравнение* крайне неудовлетворительно в качестве методологической процедуры и не может обеспечить требуемого сближения различных дискурсивных сред. Сомнение вызывает и идея психоаналитического реформаторства. Да, Фрейд размышлял о том, что было бы неплохо, если бы психоанализ стал повседневной практикой и, несомненно, это можно назвать «фундаментальным преобразованием», но в диссертационном тексте отчетливо звучит мотив «терапии культурной среды», «культурного идеала», который вносит в идею реформаторства некую направленность. Поэтому мне кажется закономерным, что во Второй главе, характеризуя структуру психоанализа как комплексного исследовательского проекта, и ссылаясь на работу «Проблема дилетантского анализа», автор приписывает Фрейду понимание психоанализа как «практики ненасильственной психокоррекции» (с. 94). На мой взгляд, это похоже на оксюморон. Хочется сказать, давайте определимся: или ненасильственная, или психокоррекция. Существенным представляется и то, что слова «психокоррекция» в тексте Фрейда нет (его там нет, потому что в языковом и интеллектуальном мире Фрейда его использование невозможно). И это как раз тот случай, когда автор, идентифицировавшись со своим героем, приписывает ему собственные мысли. И все бы ничего, но слово «психокоррекция» слишком идеологически заряжено, оно немедленно смещает контекст и неизбежно ведет к тому, что в дальнейшем в тексте появляются «психоаналитически ориентированные идеологические конструкции» (с. 150), «психотехнологии» (с. 171) и «коррекционные воздействия» (с. 171).

Руководствуясь той же оптикой, можно сказать, что в тексте постоянно рождаются определения ключевых понятий, которые вызывают удивление и сомнения. Так, например, автор считает, что у Фрейда бессознательное имеет трансцендентный статус. Но, читая «Психопатологию обыденной жизни», «Толкование сновидений» и «Остроумие ...», можно сделать и прямо противоположный вывод. Бессознательное имманентно повседневности. Как говорил Лакан: «любой поступок есть проступок». Бессознательное не по ту сторону, оно принадлежит очевидности, нужно только научиться его видеть. Об этом же Фрейд пишет и в работах по Методике и технике психоанализа, сомневаясь в терапевтической эффективности инсайта и указывая на то, что психоаналитик часто

оказывается разочарован, когда в ответ на глубокую и точную интерпретацию, анализант отвечает: да я всегда это знал. Также и в случае определения сознания. Диссертант полагает, что для Фрейда сознание - помеха и препятствие, и он всячески стремится минимизировать его значимость, а потому определение сознания, которое предлагает Фрейд, Стецюк К.С. называет «скромным». Но определение, о котором идет речь («сознание – орган чувств для восприятия психических качеств»), отнюдь не признак незначительности сознания, но фундаментальное открытие. Сознание, ценность которого, с точки зрения Фрейда, невозможно умалить, является рецептивной инстанцией, его функции связаны с восприятием, а не с производством представлений. Сложное соотношение сознания и бессознательного тщательно продумывается Фрейдом, начиная от «Наброска психологии» (1895) вплоть до «Заметки о «волшебном блокноте» (1924). Таким образом, простая схема «Сознание-помеха на пути к субстанциальному и трансцендентному Бессознательному» явно не работает.

Высказывая эти возражения, я все же хочу отметить, что в рамках той концепции, которую сформировал автор, текст логичен и непротиворечив. Более того, у этой концепции есть большой эвристический потенциал, поскольку синтез психоанализа и «левой» мысли в настоящее время весьма популярен, а сюжет терапии «культурной травмы» играет очень важную роль не только в теории, но и в общественной жизни. Мои возражения носят полемический характер. Автор, безусловно, не обязан следовать клиническими тропами, но все же мне бы хотелось предостеречь его от соблазна коротких путей и энергичных концептуализаций.

Диссертация «Психоаналитический подход в философии культуры: история, теория, практика» отвечает требованиям Положения о порядке присуждения ученых степеней, предъявляемых ВАК к кандидатским диссертациям, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.8. – Философская антропология, философия культуры

Доктор философских наук,
профессор кафедры междисциплинарных
исследований и практик в области искусств
Санкт-Петербургского государственного университета
199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

experts@spbu.ru

ПОДПИСЬ РУКИ

УДОСТОВЕРЯЮ

21.10.2021

Савченкова Н.М.

Мелик

Мелик (заместитель Управления кадров)

Савченкова Н.М.

